

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зайкон Зайкон

Бездна

<https://litres.ru/74085438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды очнувшись в месте, где нет ни единого источника света, своё тело ты только чувствуешь, а в голове абсолютно никаких воспоминаний, ему придётся заново научиться жить.

Понять, что это не свет отсутствует, а попросту нет глаз, что это не тело, а вместилище для непонятных огоньков, что теперь и составляют весь его организм.

Его бессознательное сохранило лишь память о том, как двигаться. И с этим набором ему нужно выбраться из этого дрянного мира вечной пустоты, чтобы снова увидеть реальный мир. О котором так же нет памяти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4. Апокалипсис Шута	34
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Зайкон Бездна

*Я шёл вперёд
Каждый миг,
Мне казалось - не зря.
Я свой маршрут размечал
Чередую побед.
Но с каждым шагом
Всё дальше был сам от себя,
И вот похоже
Назад пути нет
Рок-опера "Орфей"*

Глава 1

Тишину леса разрывали звуки редких безмолвных стычек и следовавших за этим перебежек.

Восемь солдат делали остановки во время бега, чтобы встретить и отбросить убийц, преследовавших их.

Пару десятков минут назад они напали на отряд, который пробирался в сумерках и предрассветном тумане через этот дремучий лес, отступая от неравного и чудовищного боя, развернувшегося в паре километров отсюда, а теперь гнали их по лесу, изредка навязывая дуэли, заставляя группу солдат задерживаться. Ведь помимо убийц в черных балахонах

их преследовало кое-что пострашнее.

Солдат в кожаной куртке с синей тканью, повязанной через торс, правую руку и закрепленной на левом плече, принял деревянным баклером выпад даги незадачливого убийцы. Используя застрявшее в щите острие кинжала, солдат заставил нападавшего раскрыться, а после, используя инерцию тела, раненной правой рукой, крепко сжимавшей одноручный меч, нанес рубящий удар по животу противника. Широкий клинок, сужающийся к концу, с трудом прошелся через бок убийцы, распоров легкую ткань балахона, рубаху под ним и бледную кожу под всеми одеждами. Слегка изогнутая гарда неприятно уперлась в кисть руки из-за резкой остановки клинка внутри тела нападавшего. Меч накрепко застрял в теле, а потому солдат нанес добивающий удар баклером по голове врага, поднял с земли короткий меч убийцы и устремился дальше вглубь леса, на звуки другой стычки.

Отряд солдат уходил максимально возможно растянутым фронтом, между каждым из них было порядка тридцати метров. Раненный солдат убежал со своим напарником, чтобы было не так опасно, но несколько минут назад их нагнали двое убийц. В той схватке погибло по одному с каждой стороны, и тот, которого он только что убил, являлся тем вторым выжившим. Теперь из их отряда осталось семеро. Убийц по быстрым подсчетам осталось не более десяти, но страшны были совсем не они. Ведь в их поддержке высту-

пали двое магов. Встреча с одним из них была бы катастрофическим провалом всей их вылазки, хотя и сама эта вылазка обернулась одним большим провалом. Трое с этой войны уже не вернуться

Когда солдат добрался до места, из которого исходили звуки битвы, здесь уже всё решилось. Другой солдат, ростом выше всех в их отряде, смуглый и загорелый, не слишком широкоплечий, возвышался над трупами двух неудавшихся убийц. С его меча стекала кровь и он старательно стирал её с помощью травы и балахонов с трупов. На металлическом щите, что лежал рядом, было большое количество выбоин, но ничего критичного. Сам же солдат вроде как не пострадал.

– Феррас, — выдавил из себя уже начавший уставать солдат с раненой рукой.

– Йонас, — ответил кивком тот, бросив только мимолетный взгляд, чтобы убедиться, что Йонас ранен не смертельно.

Йонас спустился по небольшому склону и пожал предплечье Ферраса здоровой левой рукой.

– Что с остальными? – раненный солдат огляделся и постарался прислушаться.

– Мы стягиваемся дальше по дороге. Выходить из леса будем все вместе, — Феррас обернулся, помещая уже очищенный меч в ножны и поднимая щит. — Посланных за нами ассасинов почти не осталось. Они больше не будут так рис-

ковать, возможно маги ускорятся. Пошли.

Он застыл на месте и о чем-то задумался.

— Мы выберемся отсюда, Йонас. Все вместе, — он похлопал того по плечу. — Нам пора.

Через примерно десять минут отряд подобрался к выходу из леса. Все семеро добрались в целости, на подступах к границе этой древесной тюрьмы убили ещё двоих преследователей. На этот раз одного из них пришлось искать, ибо он не торопился нападать, но это не помогло ему уйти от неизбежного.

— Напомните, почему мы вообще начали этот отход таким рассеянным скопом? — самый младший в их отряде, Ремиз, стоял сгорбившись и с блеском надежды в глазах смотрел на маячащее в доступной близости спасение. Он не служил с ними в Демонической страже, а в отряд попал уже после того, как их перевели на фронт.

— Естественно чтобы с их численным преимуществом нас не окружили и не зажали, — Феррас бросил на него мимоличный взгляд, в них промелькнул хищный блеск, а его рука лежала на рукояти своего меча. — Но даже и получаса не прошло, как в этих бесконечных столкновениях мы перебили большую их часть. Так что дальше мы просто изображали из себя слабую одиночную добычу.

Он осекся, и на этот раз в его глазах уже не было той непоколебимости.

— Йонас — Феррас повернулся к нему всем телом, глядя

на него с оттенком сожаления.

— Хескар умер героем. Он просил не убиваться по нему, — Йонас уставился в землю. Его напарник, выходец с северных земель, умер, защищая его от особо упорных убийц.

— Он был надёжным и хорошим другом, — речь Ферраса была твердой и резкой. — Сегодня погиб, сражаясь с честью, бывший воин Демонической стражи, защищая чужое для себя государство и родных ему людей. Его мужество не будет забыто.

На протяжении всей речи Йонас продолжал смотреть в землю. Хескар обязательно бы сейчас вспомнил что-то из своих северных баек. Как всегда к месту и как всегда точно по делу.

Феррас дважды ударил ножами о щит и произнёс всё еще твердым, уже уставшим от бесконечной бойни голосом:

— Я верю, что он достоин быть внесенным в мурал предков. Я обязательно сообщу его роду о его подвигах. Победа или смерть.

— Победа и смерть! — вторили ему семеро выбравшихся из кошмарного леса.

Отряд уверенно зашагал на простирающиеся дальше равнины. Йонас подошёл к Феррасу и похлопал того по плечу, что было трудно, ибо тот был выше Йонаса чуть больше чем на голову.

— Веди, Феррас, — он сделал паузу и посмотрел ему в глаза. От следующих слов его сердце сжалось еще сильнее. —

Теперь ты капитан.

– Дарриан может быть жив — начал было новоиспеченный капитан, но был быстро прерван.

– Он в одиночку с мечом выступил против двух магов. Прими реальность. Капитан Дарриан Он мёртв.

Над горизонтом уже почти полностью взошла звезда.

Как ни пытайся вглядываться во тьму, ты вряд ли что-то в ней увидишь. Особенно когда у тебя нет глаз.

Так думало и бредущее бесплотное формирование.

Он мало что помнил. На момент попадания в это место единственное, что сохранилось в его памяти — ощущение твердой поверхности. Именно так он и начал свой путь.

Лишь спустя непомерное количество времени, ибо понимание и память о времени попросту отсутствовали у него, он набрел на единственное, что позволило ему начать наконец полноценное существование.

Осколок памяти, как он себя называл.

Тогда же родились и они. Первый и Второй. Оригинал и Осколок. Положение было определено за них и их обоих это устраивало. По крайней мере Второй обладал большей частью памяти Первого о всём. И именно тогда, при их встрече, Первый осознал себя.

Ведь даже памяти о личности и самих воспоминаниях у него не было. Он осознал себя. Он начал твёрдо существовать.

Да, это вряд ли поддаётся пониманию, но Первый действительно изначально помнил только чувство ходьбы по твердой поверхности и нахождении на ней. С обретением Второго он наконец получил главную память о том, что он был в первую очередь мыслящим существом. Человеком.

И они заключили союз. Первый хотел вспомнить всё и понять, что они тут делают. Второй же в свою очередь не хотел быть ассимилирован. По крайней мере сразу. Благодаря этому он будет постепенно восстанавливать фрагменты памяти оригинала, ибо большее без полного поглощения недоступно.

И они пошли вместе. Один по мере пути вспоминал о глоссах, о звуках, о мире за пределами этой абсолютной тьмы. Второй же беспрестанно сопротивлялся давлению со стороны окружающего мира. Бездна взывала к своему проявлению и требовала возвращения, однако с каждым мгновением его сопротивления наблюдала со всё больше возрастающим любопытством. Бездна любила узнавать новое.

Фантомный, едва различимый и дрожащий силуэт Первого продвигался во тьме неуверенными шагами. Он не видел, но знал, что здесь был ещё кто-то. Практически ощущал чьё-то присутствие в окружении. Он не знал, почему он способен на это, но казалось, что такая способность всегда была с ним. В конце концов, обращаясь к своей совсем новой памяти, он мог припомнить, что еще в период бессознательного брожения он ощущал что-то подобное.

Первый не знал, что он вообще ищет. Но, казалось, что Осколок его памяти вполне себе понимал, зачем и куда они идут. Однако делиться этим знанием с ним он не очень торопился.

Их общение было по большей части похоже на обмен мыслями. Он не мог вспомнить свой голос, а это, на удивление, повлияло на его способность говорить, да и Второй как бы не старался, не мог донести свои мысли до него звуками. Так что их единая природа сыграла на руку, позволив просто передавать свою память.

Второй шёл за ним, наблюдая, как призрачный, едва различимый, золотистого цвета силуэт шёл по ним с каждой секундой всё твёрже, а одновременно с этим и увеличивался в размерах. Да, он еще не полностью восстановился даже в этом плане. Но Второй очень сильно желал, чтобы это скорее произошло, ведь как только он сможет вспомнить большее, начнется настоящее восстановление памяти.

Одновременно с этим путешествием Осколок чувствовал, как в его сознание что-то старательно стучится. Но он всё так же игнорировал терпеливо подбирающееся к его разуму нечто. Повлиять на это он не мог, не в его силах. Оставалось только попытаться отсрочить тот момент, когда его сознания коснётся это нечто. А к тому моменту Оригинал должен вспомнить как можно больше. Жаль только он не мог ускорить этот процесс. Однако он мог сортировать полезные знания от маловажных и откровенно бесполезных. Конечно,

критерием было его собственное понимание, что считать полезным.

Из-за невозможности понять прошедшее время было сложно определить, сколько они уже шли вот так, не сбавляя темпа. Второй уже успел передать своему компаньону их понимание и знание времени. К сожалению, после этого они всё так же не могли понять, сколько приблизительно они тут находятся.

Следующими стали воспоминания об ощущениях холода и тепла. Этим Второй хотел удостовериться, хоть и знал, что это глупо. Да, вокруг было прохладно. Возможно, на уровне температуры замерзания воды. Однако это не доставляло им неудобств. Это было просто ощущение, никакого влияния оно не оказывало.

Память о зрении было трудно передать. Второй сам ничего не видел, только ощущал форму силуэта перед ним, ведь они были связаны, и дело было даже не в том, что видеть было нечего. У них у обоих не было глаз. И мозга. И органов, и в целом тела. Концепция зрения была выше того, что он мог обработать сам, своим разумом. Как и Первый. Однако мозг вкупе с глазами мог бы автоматизировать это сам, и возможно даже ускорил бы работу с воспоминаниями. Честно, Второй понятия не имел, почему они вообще обладают сознанием без мозга, но списал это на влияние окружения. Однако мозг точно помог бы начать видеть, да и слышать. Осязать окружение они уже могли, вероятно, благодаря су-

ществованию этой золотистой формы, что представляла собой их нынешние тела.

Второй замер. Он почувствовал что-то, когда задумался над ощущением силуэта Первого и сейчас пытался нащупать это снова. Он перебирал все ощущения, пробегая по их взаимной связи своими чувствами, пытаясь понять, что это было И он нашёл. Золотистое свечение, которое было даже нереальным. Оно дрожало. Возможно, Первый тоже чувствовал это, но по нему это нельзя было сказать. Второй повременил с тем, чтобы сообщать Оригину эту информацию и попытался понять всё сам. И довольно быстро нашёл причину дрожи. Темно-фиолетовая искра на поверхности силуэта. Она потихоньку росла, вбирая в себя окружающие частицы золотого сияния, пропуская их и выбрасывая в окружение уже такого же цвета фиолетовые.

Второй миг стал серьезным. Он послал мысленный образ по этой связи и стал ждать реакции. К сожалению, Первый не смог повлиять на искры. Они пытались сделать хоть что-то, но после долгих бесполезных попыток, всё было отброшено. Надо было продолжать путь. Что-то подсказывало им обоим, что только движение вперёд даст им какие-то ответы. Фиолетовая искра была выброшена из внимания, сейчас она того не стоила.

Что-то всё так же упорно и неумолимо подбиралось к сознанию Второго, настойчиво стучась в его мысли.

Глава 2

Перекидываясь иногда мыслями об окружающем их мире, двое неизбежно шагали по воспоминаниям о поверхности в память о тьме. Да, как оказалось, как только Первый оказался здесь, он помнил не только о движении вперёд (и о незримой поверхности под его ногами). Вторым и последним его воспоминанием была окружающая их гнетущая темнота. От этого проскакивали мысли, не создано ли это место только на основе его собственных малочисленных осколков памяти, но против этой гипотезы выступал факт существования того самого нечто, продирающегося к глубинам сознания Осколка. Второй всё-таки показал мыслеобразы об этом ощущении Первому, но они оба не могли ничего с этим поделать.

Вдобавок, фиолетовая искра, вклинившаяся в светящийся силуэт Первого, стала еще больше. Пусть малозаметно, но увеличилась. Это настораживало, но ничего сделать с этим ни Первый, ни Второй не могли. Оставалось только принять это как данное и идти дальше. Впрочем, ничего, кроме как идти всё дальше, не представлялось возможным.

И так шло время. Катились минута за минутой, час за часом. Иногда Первый пробовал побегать, попрыгать и в общем выполнять разные физические упражнения. Казалось, такое времяпровождение было близко ему. Вероятно, отголосок его былой жизни, но много внимания этой теме он не

уделял. Хотя времени у них было предостаточно, Первый и Второй всё время куда-то спешили. Казалось бы, у них есть всё время мира, но останавливаться и ждать чего-то ни один, ни другой не хотели. Что-то подталкивало их изнутри и словно говорило, что всё придет, нужно только продолжать двигаться.

И словно обрывая их сомнения, окружающая тьма в каждый момент такой слабости подкидывала что-то новое. Пару тысяч шагов назад Второй чувствовал чьё-то присутствие в глубинах непроглядной темноты. И пусть он не мог никак подтвердить свои ощущения, всё его естество твердило ему, что эти ощущения появились не на пустом месте.

Через примерно такое же расстояние себя явил обладатель этой осязаемой ауры. Они не видели, но прекрасно ощутили, как пространство вокруг них плывет, толкая и направляя всё на своем пути по направлению движения неведомого нечто. Над их головами проносилось что-то столь огромное и могущественное, что сам мир двигался под его напором, создавая этот эффект мнимого ветра. Ведь никакого ветра и в помине не существовало здесь. Оставался только один вопрос — если это было взаправду, то что может быть настолько могущественным для жизни в этом месте? Ответа не было. Зрение было недоступно им обоим, ведь их сознание намертво связало концепцию зрения с наличием мозга. Было бы странно, если бы они смогли видеть. Но за неимением лучшего оставалось полагаться только на существую-

щую между ними связь, которая позволяла ощущать эфирные светящиеся силуэты обоих в пространстве. Это было не зрение, а скорее образ, что существовал напрямую в их сознании. И это было великой благодатью, что позволила так хорошо существовать в здешних местах.

О том, что это не их родной мир и даже вряд ли мир для живого Первый и Второй догадались давно. Они не ели, не спали и не испражнялись неисчислимое количество времени. Возможно, окружающее их пространство было детищем горящего разума на грани смерти. А чувство того, что они были на грани смерти перед попаданием сюда становилось всё отчётливее в их воспоминаниях. Как будто само это место медленно восстанавливало то, что они утратили и никак не могли вспомнить лишь за счёт друг друга. Такой уровень вмешательства пугал и настораживал не меньше, чем недавний инцидент с проплывшим над их головами существом. Если, конечно, это было хоть какое-то существо.

Спустя небольшое количество времени их процессия остановилась. Точнее, остановился сперва Второй, а Первому пришлось остановиться из-за него. Осколок послал небольшой поток мыслеобразов, но Первый не понял ничего из них. Все, что он уловил, это только ощущения большой усталости, разочарования, небольшого любопытства и самое яркое — готовность. Но к чему? Ответа не последовало. Вместо этого Второй упал как подкошенный сразу после передачи своих мыслей. Как будто... как будто...

Первый четко чувствовал, как на краю сознания вертится какая-то ассоциация, но ухватиться за эту мысль он всё никак не мог. Что-то в нем словно изменилось, когда на его глазах Второй моментально свалился как убитый, не давая никаких ответов. Но радовало одно — он не умер. Вероятно. Ибо форма его силуэта ощущалась всё так же ярко. Больше похоже на потерю сознания. Но делать было нечего, в список дел добавился еще один пункт. Первый подошёл к валяющемуся Второму и схватил того за то, что ощущалось как рука после чего дернул на себя, чтобы поднять. Но ничего не произошло. То есть буквально ничего. Его рука даже не двинулась, оставаясь прикованной к, по их обоюдно установленному ранее мнению, поверхности. Это напрягло Первого, из-за чего тот стал тянуть активнее. Но всё было тщетно. Мнимая рука даже не двигалась. Первый задумался и присел рядом.

Что-то крепко держало Второго, не давая сдвинуть его с места. Он точно был не в сознании, иначе отправил бы пару мыслей на этот счёт. Тут Первого перекосило. А точно ли он без сознания? Что если это ограничение не дает ему не только двигаться, но и говорить по их связи? И Первый снова задумался. А что вообще представляет собой их связь? Почему они могут так свободно общаться примитивной телепатией? Он отбросил эти мысли. Сейчас не так важно разбираться с этой связью, да и вряд ли это поможет в текущей ситуации.

Он снова осмотрел лежащее тело Второго и заметил странное изменение. Огоньки, из которых состоял его силу-

эт, тускнели. Причем довольно быстро. За всё то время, что они тут провели, искры потускнели примерно на треть от изначальной яркости. Это серьёзно насторожило Первого. Так у него еще и ограниченное время, интересно. Он осмотрел лежащее тело пристальнее и наконец заметил одну неявную деталь — огоньки его силуэта сами будто прижимались к невидимой границе поверхности, после чего с усилием протискивались вниз, где и исчезали. Что-то забирало его искры под поверхность силой? Должно существовать что-то, что позволяет делать это. Какая-то связь, забирающая огоньки. Конечно, Первый даже не понимал, что значат эти искры и зачем они нужны, но всё, что как либо касалось их тел сейчас казалось опасным и негативным. Кроме этих искр у них ничего и не было. Он не брал во внимание его самую яркую искру, фиолетового цвета. С прошлой проверки она стала темнее и переместилась ближе к центру его груди. Это так же пугало, но он ничего не мог с этим сделать. Хотя...

Первый стал пристальнее осматривать тело Второго, смотря сквозь огоньки. Вскоре он заметил, что они следовали едиными маршрутами. Существовали только определенные точки, через которые искры уходили под поверхность. И к раздражению Первого, одна такая точка находилась ровно в том месте, которое он пытался поднять изо всех сил. Попытавшись потянуть другие места, которые не были прикованы к поверхности, у него всё получилось. Конечно, эти точки проникновения мешали полностью взять тело, но с этим

уже можно было работать. Силуэт всё больше тускнел, значит нужно спешить.

Попытавшись сделать что-то с этими центрами водоворотов искр, Первый не добился ничего. Их невозможно было прощупать и ничего кроме этих самых закручивающихся водоворотов не указывало на их местонахождение. Разочарование и бессилие пронизывали каждый огонёк тела Первого, ему хотелось рвать и метать от своей неудачи. Времени оставалось в обрез, а сделать ничего он не мог. И в этот момент случилось то, что он мог назвать только чудом. Фиолетовая искра в его груди зашевелилась, словно чувствуя его эмоции. Такое конечно вызывало настороженность, но сейчас любая помощь была бы к месту. И будто читая его мысли, большой огонек начал двигаться, раздвигая своими размерами искры на пути, пробираясь к правой руке Первого и держась как можно дальше от границы силуэта. Оно не хотело оказаться вне его тела? Ощущение движущихся огоньков было не приятным, но и неплохим. Оно просто чувствовалось и просто было. Это скорее хорошо, чем плохо. Первый попытался помочь фиолетовой искре, подталкивая её своей волей, и огонёк ответил взаимностью, задрожав и начав двигаться чуть быстрее. Вскоре он оказался в ладони, что лежала на груди Второго. Там он начал светиться интенсивнее, мягко пульсируя и медленно крутясь на месте. Фиолетовый свет залил огоньки в руке Первого и тот со смешанными чувствами наблюдал, как многие искры в его руке окрашивались в

такой же фиолетовый цвет и начинали пульсировать вразнобой. Однако самая яркая и длинная пульсация основного огонька оборвала всех, заставив их светиться в общем ритме. А после свет стал проникать сквозь руку внутрь Второго, но его искры уже не обращались в такое же фиолетовое свечение, однако они замирали на месте, переставая двигаться и нарушая другие водовороты. Первый с затаившимся дыханием наблюдал за происходящим, пытаясь запомнить каждое ощущение. В эти моменты его сознание посещали многие мысли, к примеру, он никогда не задумывался о том, чтобы перемещать свои искры. А происходящее прямо сейчас с его телом только сильнее убедило его, что это возможно. И скорее всего такое умение будет даже полезно, как и что угодно в этой пустоте.

Но точки, которые приковали Второго к поверхности, никуда не делись. Его искры уже перестали двигаться и даже после окончания феерического представления не собирались снова. Поглощение остановилось, но яркость была удручающей. Фиолетовый огонек повертелся на месте, осматривая плоды своей работы. Некоторые искры в руке Первого так и остались фиолетового цвета, поэтому основной огонь поглотил их, увеличившись ещё немного. После этого он пару раз моргнул светом, замер и снова начал двигаться к своему облюбованному месту. А тело Второго так и лежало, пусть и стабильное. Вокруг мест, где раньше располагались точки, через которые тело покидали искры, теперь

были небольшие круглые, пространства в которых не было огоньков. По этим кругам Первый и определял, где раньше были эти точки.

Он задумался, а что это вообще было? Какая-то яркая оргия искр его души... А являлось ли его текущее тело подобием души? Информации об этом попросту нет, поэтому он отбросил все ненужные рассуждения, но пока что будет считать это тело душой. Раз фиолетовый огонёк закончил свою работу... Почему он зовет его по цвету? Эта искра явно показала наличие хоть какого-то самосознания, пусть она и делала то, что хотел сам Первый. И раз этот огонёк такой особенный, может стоит дать ему имя? Или ей? Он задумался, сидя на коленях перед телом Второго и склонившись над тем. Что же, может Искра...

А, неважно. Отбросив лишние мысли, он стал думать, что делать со Вторым и о том, что это вообще только что произошло. Безусловно, тут имело место влияние того самого нечто, которое ломилось с самого начала в сознание его Осколка. Но больше он ничего и не знал, а потому, не придумав ничего лучше, Первый просто схватил его за ту же руку и попытался поднять. И — о чудо! — рука поднялась без особых трудностей. Круги в его силуэте все так же оставались, но, похоже, они больше не держали Второго прикованным к поверхности этого места. Одно дело решено, осталось понять, что делать с телом без сознания. Но Первому пришла банальная мысль. Он не испытывал усталости, идя

без единой остановки. Значит, можно попробовать просто нести бессознательную душу Второго на себе. Взвалив того себе на плечи, Первый встал и выпрямился. Ощущение было странным. Он понимал и чувствовал лежащее на нем тело Второго, но в то же время он не чувствовал от него никакой тяжести. Как будто его вес попросту не влиял на Первого. А весом он так или иначе обладал, ведь если бы он ничего не весил, смог бы он ходить? Да и при любом прыжке, пусть они особо и не прыгали, его бы унесло в воздух. А здесь вообще был воздух?

Расположив тело на себе поудобнее, Первый зашагал прочь. Фиолетовый огонёк, или же Искра, медленно располагался на своём законном месте в груди. Когда-нибудь Второй очнётся, а до тех пор он будет идти один, надеясь, что скука не настигнет его достаточно быстро.

Глава 3

Это было скучно.

Да, они и раньше просто шли куда сердце прикажет, да и не особо заботились о том, чтобы запоминать путь, но на этот раз всё было по-другому. Не было вечного компаньона, с которым можно было бы перекинуться парой мыслишек об окружающем мире и происходящим с ними. Ну или с ним, всё равно Второй лишь Осколок его... Чего-то его.

За свой долгий путь Первый и Второй много размышляли о природе своего существования и об этом месте, в котором они оказались, причем вряд ли по своей воле. По крайней мере ни один из них не помнил почти ничего, что было до великой всеобъемлющей тьмы. Может это и есть их мир, их природа?

Нет, точно нет. Может они и не помнили почти ничего, но в том то и дело, что почти. Второй прекрасно знал про температуру, свойство, не присущее этому месту или их текущей форме. А у Первого была какая-то слишком глубокая и непонятная память о разных существах. Точнее, была память, что какие-то существа очень дороги ему. По крайней мере были. Кто это и что с ними он понятия не имел. Да даже то, как они выглядели, оставалось загадкой. Это конечно не всё, но остальное имеет слишком маленькие объем и значимость.

Да и что вообще такое он сам Первый не знал, как не знал и Второй. Возможно, если они больше не встречали им подобных, они уникальны? Или попросту такие сущности, как они, не могут найти других подобных им из-за каких-то возможных ограничений этого места? Это всё просто пустые размышления. Первый даже не знал, чего он в целом хочет. Вероятно, выбраться из этого места, но есть ли вообще выход? А перед этим необходимо и вспомнить достаточно. Может, есть другие Осколки? Не могла же вся остальная его память просто раствориться в пустоте. Вполне вероятно, что есть подобные Второму. А что, если он сам Осколок? Этого попросту нельзя проверить. За неимением ответов остаётся верить в своё первенство в существовании... себя.

По крайней мере у него есть вариант разбавлять бесконечный поход пусть и бесполезными, но физическими тренировками. Когда он выполнял разные базовые упражнения это странным образом откликалось в нём. Так глубоко, что, вероятно, подобная память должна уходить в ту глубину, где находится его самая сокровенная память. Эта деятельность должна быть заточена в нем как всё автоматическое и рефлекторное. Но самое главное, что он чувствовал неполноценность в своих занятиях. Все его пробежки, приседания, освоение правильной, по мнению его памяти, постановки ног... Он чувствовал, что должно быть что-то ещё. Что-то основополагающее, составляющее часть самой его сути. Что-то в правой руке и что-то на левой. Что-то на нем самом. Шаг

вперёд, полушаг в сторону, нырок и выпад правой рукой, выставить левую... Да, тут определено что-то было. Что-то глубокое, близкое его сердцу и разуму. Его учили этому, а после учил и он. Кто и кого? Так много вопросов, так мало ответов. И бесконечно много времени. Он успеет разобраться во всем.

Что-то очень больно кольнуло его в самую душу, подорвав равновесие и заставив фиолетовый огонек коротко полыхнуть, а за ним и остальное тело. Сразу после этого всё успокоилось, но боль никуда не делось. Странно, раньше такого не было. Неужели, эта пустота? Может, то существо, что они встретили, если так можно сказать раньше? Однозначно кто-то был против его мыслей, либо о памяти, либо о времени. Но какая ему разница. Ему то с его нескончаемым временем... Значит, укол вызвало всё-таки самостоятельная попытка восстановления глубинной памяти. А на самом ли деле у него так много времени, как он сам считает? А, к черту, это тупиковое направление, которое приведёт только к бесконечным вопросам.

За то время, пока он нес Второго на плечах, Первый успел поразмышлять над многим, не связанным с памятью. Он больше не чувствовал никакого движения вокруг себя, как это было тогда, когда над ними пролетело, или даже грациозно проплыло, нечто, что заставило обоих потерять равновесие. Он не знал, стоило ли радоваться по этому поводу. Было ли то, что сделало это, враждебным? Знало ли оно о них?

Ещё он всерьёз задумался над огоньками, что составляли его... Он не знал, как называть то, чем сейчас является. Что-то внутри просило его назвать эту форму душой, но Первый уже не был уверен, на самом ли деле это душа. Однако причин не называть так свое нынешнее тело не было. Душа так душа. И искры в этой душе были удивительно интересны. Попытавшись обдумать произошедшее с огоньками у Второго, он ни к чему не пришел, а потому обратился к собственным. И на удивление, это принесло свои плоды. Первым, что он попытался сделать, были попытки ощутить эти огоньки. Это ему не удалось, а точнее удалось, но не полностью. Он не мог ощутить каждую из искр, но он чувствовал их передвижения внутри себя, как они волочатся при движениях его конечностей, стараясь не отставать друг от друга и не выходить за какой-то невидимый предел. Это так же подтвердило гипотезу Первого о существовании этой самой границы вокруг его тела, внутри которой его огонькам комфортно, а вот за неё они стараются не выбираться. Очевидно, что у Второго произошла какая-то проблема с этой невидимой и неосязаемой границей. Да, он пытался притронуться к себе, но его рука упиралась в собственные огоньки, однако он чувствовал, что при желании может просунуть руку дальше, пройдя насквозь. Нужно было только раздвинуть огоньки на пути, чего он сделать не мог. Пока что не мог, ведь Первый активно работал над этим вопросом. Единственным, что можно было с натяжкой назвать успехом, стал небольшой инци-

дент. Надавив своей волей на один из огоньков, который находился впритык к невидимой границе на его левой руке, он смог заставить тот двинуться. Правда двинуться прочь из тела. Огонёк с осязаемым усилием протиснулся сквозь эту преграду, а после моментально потух, как только оказался вне души. Это было отчасти разочаровывающе. Однако то, что двигать их было возможно самостоятельно, стало основной темой исследований Первого. Конечно же после изучения своего основного огонька фиолетового цвета, который по ощущениям даже не обращал внимания на происходящее вокруг. Будто он спал у него в груди. Больше от огонька номер один – или же Искры — добиться он ничего не смог. Ни расшевелить его, ни сдвинуть.

Второй всё так же не подавал даже намёков на то, что скоро очнется, а значит оставалось только идти вперёд и экспериментировать со своей душой. Главным делом стало научиться в совершенстве двигать огоньки, вторым по порядку, но не по значимости, стало умение ощущать эти огоньки. А пока что того, что он чувствовал, было достаточно.

Совсем скоро он понял, что наличие еще одной души на его плечах не ограничивает его движения и действия. Тело Второго попросту не создавало нагрузки, а потому Первый мог заниматься своими делами, неся на себе его. Но остановиться ему всё же пришлось. Чем дальше он заходил в попытках двигать огоньки, тем больше ему казалось, что это повлияло на темп ходьбы. Да и бесконечное движение сбива-

ло концентрацию. Поэтому он положил Второго на поверхность под собой, а сам уселся поодаль, погрузившись внутрь себя

Наблюдая за тем, как ведут себя искры его души при движении отдельными частями тела, его всё больше одолевала сомнения насчёт невидимой границы вокруг его души, что удерживала огоньки. Казалось, что она была не так важна, как ему сперва подумалось. Вот, когда он очередной раз дернул рукой, какой-то запоздалый огонёк сильно отстал от остальных и будто бы пересек эту границу, но вскоре присоединился к остальным. Однако он не погас, как тот, что Первый вытолкнул за границу сам. Что-то погасило тот огонёк? Или же сам Первый не понимая того не просто двинул огонёк, а и потушил его?

Чтобы разобраться в этом, он попытался поглубже окунуться в самую суть этих искр. Они не рождались откуда-то, либо же он просто этого не замечал. Словно их всегда было ограниченное количество, сколько он себя помнил, однако его память точно была ненадёжной штукой. Возможно, они росли в количестве, но Первый просто этого не замечал.

Но несмотря на то, что огоньки были ограничены, их свет не был. Он понял это по тому, как взаимодействовал с остальными огоньками самый большой, фиолетовый. Они могли увеличивать или уменьшать интенсивность света, а также и менять свой цвет. Это показалось Первому более легким уровнем воздействия. По крайней мере работать с

яркостью, менять цвет он так и не научился. Так же он заметил, что некоторые огоньки изначально были тусклее других, а какие-то ярче. Однако это совершенно ни о чем ему не говорило.

И вот так час за часом проходили сидячие исследования Первого в области управления огоньками его души. Упорной практикой он смог достичь весьма больших успехов в управлении яркостью своих огоньков. Так, он смог заставить всю кисть левой руки гореть примерно в полтора раза ярче, чем остальные огоньки руки. Этого показалось ему достаточно в этом направлении своих экспериментов. А вот в попытках двигать, согласно своей воле, огоньки он практически не возымел никаких успехов. С трудом покрутив по небольшому радиусу двумя огоньками внутри своей ладони, Первый недовольно выдохнул. И тут же задумался, почему он сделал это. Ведь дышать ему на самом деле и не требовалось, но такая привычка... А ведь раньше её не было?

Однако это не всё. Его голову не покидали мысли о невидимой границе вокруг его тела, что не пускала во внешнюю среду огоньки души. Но в попытках выйти за этот предел Первый неожиданно даже для себя совершили абсолютно другое открытие — пока он пытался изменить форму этой невидимой границы, которую ощущал только при движении телом благодаря давлению на неё огоньков, он случайно разбил один из огоньков в пальце на левой руке. Первый давил огоньком на указательный палец, пока он не упёрся на мак-

симально возможный предел в незримую границу, а после от нечего делать попытался максимально быстро оттянуть искру назад. Но тот почти сразу попросту разделился на две части и продолжил существовать в виде двух вроде как соединённых огоньков, однако один светился чуть ярче, да и Первый мог отдалить один от другого на достаточно большое расстояние вглубь ладони. Правда если он вёл их дальше, второй огонёк начинал медленно следовать за первым. Это было любопытно, но как использовать это Первый не придумал.

Обратив свой внутренний взор на фиолетовый огонёк, Первый стал пристально рассматривать его и те искры, что окружали фиолетовую. Самая яркая искра и в то же время обладающая самым темным цветом. Он настораживал, однако именно этот огонёк помог ему спасти от полного растворения в вездесущей темноте Второго. Экспериментировать с ним Первый не стал, ибо опасался возможных последствий. Однако всё-таки он попытался вспомнить те ощущения, что испытывал, когда в работу вступил фиолетовый огонёк. Его движение было странным, будто остальные огни просто расступались перед ним, а огоньки сзади толкали его вперёд. В тот момент, когда Первый толкнул его своей волей, он просто ускорил этот поток. Словно сами огоньки души хотели, чтобы фиолетовый двигался. Возможно, также важным был его размер, но Первый не мог понять, что стоит за внешним видом огоньков. Однако, если разделение огней уменьшало

размер обоих огоньков, получающихся на выходе...

Первый вернулся к работе с рукой. Найдя те два огонька, что он разделил, он полностью сосредоточился на них и стал сдвигать их всё ближе друг к другу. Сперва это происходило неохотно, но вскоре огоньки зашевелились, словно поняв, что от них хотят. Потянувшись друг к другу, они столкнулись и сжались, начав немного крутиться. Первый снова почувствовал напряжение, на этот раз только в ладони, в которой это всё и происходило, а потом огни резко и без всяких фанфар слились, вернув прежнюю яркость и размеры. Первый ликовал. Но это получилось так легко, лишь потому что они уже когда-то были частью одного целого. А как заставить слиться два разных огонька?

Первый давно задумался над принадлежностью к определенным функциям этих огней. То, что они располагались изначально в разных частях тела и не спешили переходить между ними могло говорить, что они как-то связаны с тем, где находятся. Возможно, этот общий признак был тем, для чего и служат огоньки. Это можно было бы использовать...

Неожиданно фиолетовый огонёк послал мощный импульс света по всей душе Первого. Ощущение, будто что-то колело прямо в груди. Он оторвался от своих размышлений и обратил взор на фиолетовую искру. Та дрожала, пульсируя, однако уже с меньшей силой и направляя импульс в одну сторону. Как будто огонек пытался указать на...

Резко оторвавшись от разглядываний своей души, Пер-

вый вскочил и усталился на Второго. Точнее на то место, где раньше лежало его тела. Теперь там было пусто. Абсолютно пусто. Все огоньки и само тело исчезли. «Потухли», появилась будто чужая мысль в голове Первого. Но как? Второй умер...? Неужели его огоньки, пока Первый не видел, снова начали уходить под поверхность этого места?

– Кхм, кхм.

Прозвучал кашель за спиной Первого. Точнее было ощущение, что звучал он сзади, однако сам звук будто напрямую сразу звучал в его сознании. И этот кашель... Почему голос был настолько знакомый? Что-то в глубине души Первого скорбно зашевелилось, царапая невидимую границу его тела даже сильнее, чем на ту давили своей массой огоньки.

Однако там никого не оказалось. Но в тот же момент, правда на этот раз оттуда, куда до этого смотрел Первый, снова раздался голос. Он был до невозможности ехидным и каким-то едким... но таким знакомым.

– Что же, возможно, решение пустить это, — сделав акцент и паузу на слове это, голос продолжил дальше, — внутрь было не самым плохим... Но что-то я отвлекся. Всё-таки, наш первый разговор с точной передачей слов. Ох, да, не нужно отвечать, я чувствую твои мысли, ведь мы связаны. Полагаю, будем знакомы?

Словно волна желчи, этот небольшой монолог вьелся в грудь Первого. Голос был... Даже такой извращенный и измененный... Это был его голос. Его прежний, реальный го-

лос.

Он снова развернулся, но в том месте никого не оказалось. Но ему и не требовалось видеть, он прекрасно понимал, кто является обладателем его голоса. И поэтому он просто подумал об одном, обращаясь куда-то в пустоту:

– Второй?

Глава 4. Апокалипсис Шута

Пока Мир всё ещё разбирается со своими проблемами и Бездной, хочу рассказать тебе историю, в которую влезли несколько человек, чьи действия были очень важны в масштабах столь маленького мироздания. Да будет же Колесо ныне спокоен, ведь их судьбы теперь в моих руках.

Стояло очень раннее утро.

Бездарности и самодуры.

Именно так описывали единственный наёмничий отряд Бенефита, города на отшибе Ниокса. Ну как отряд. Пять человек, не способных повлиять ни на что.

– Где Ваал? — весело спросил подошедший Милле.

Милле всегда был весел и расхлябан. Вот кто точно мог бы в одиночку опустить репутацию любого отряда своими поступками. И тем не менее, Милле был гением маскировки и перевоплощения. А ещё шпионажа, дипломатии, скрытного проникновения и не самого скрытного побега оттуда, куда проникли.

– На ремонте крепостной стены, — ответил уставшим голосом капитан их вольного объединения, Серебряный.

Никто не помнил, почему его так звали, как и его настоящего имени. Да и капитаном его никто по-настоящему не считал. Он, в целом-то, никакими выдающимися талантами

не обладал.

– Ремонт? Разве кто-то нападал?

В Ниоксе всегда было достаточно спокойно, поэтому удивление Милле имело место быть. Хотя он не обратил внимания на то, какую крепостную стену ремонтировал Ваал.

– Нет, они с Ноксом В общем, ты понимаешь.

– А-а-а, — понимающе протянул Милле. — Снова Серпуле.

– Нет, на этот раз Сапфир.

Сапфир и Серпуле — торговые города, находящиеся на значительном удалении от Бенефита. Если говорить начистоту, это был другой конец Ниокса.

– Найди Катану, пожалуйста. Скажи ей больше не потакать экспериментам Нокса и Ваала.

– Ты считаешь нецелесообразным учения наших бойцов? — лукавым хитрым голосом спросил Милле.

– Я считаю, что не стоит запускать голема из катапульти в порталы, ведущие в неизвестные даже заклинателю порталов места, — Серебряный ударил по столу с размаху.

– Но никто ведь не пострадал? — продолжал гнуть свою линию Милле.

– Вы проверяете на прочность не только мои нервы, но и гений Каридина, чтоб ему спокойно отойти от дел.

– Это ты его имя упоминаешь, капитан. Да и никто, кроме тебя, эти традиции не соблюдает. У нас своя вера.

Серебряный окинул взглядом заносчивого юнца, но лишь

тяжело вздохнул и заказал ещё выпивки. Никто в их отряде, кроме него, не верит в ремесленную преисподнюю иной жизни, куда попадают все мастера. Даже Ваал, созданный самим Каридином.

Милле уже успел отправиться на поиски Катаны, их военного инженера. Из-за своего роста он легко мог бы проскочить по улицам незаметным, но его внешний вид сделал бы любые попытки этого безуспешными. Поэтому он гордо шагал по улице, провожаемый кучей недовольных взглядов вслед.

Все в Бенефите желали, чтобы их отряд поскорее убрался отсюда.

Чисто технически, Ваал и Нокс уже ушли. Или улетели, если Нокс тоже отправился на катапульте Катаны. Но они вернуться. Они всегда возвращаются. Частично из-за того, что Нокс может уверенно направить портал только в одну точку во всем этом проклятом мире – в Бенефит. Любой другой портал всегда будет вести в абсолютно случайное место.

Однажды Нокс таким образом попал в сокровищницу короля Ниокса. С того момента их отряд и начал существовать. Но этого уже никто не помнит, кроме Милле.

Нокс, честно говоря, был посредственным магом. Его природный талант к заклинанию порталов являлся бы бесценным даром свыше, но данный теми же богами тремор и слабый ум всё испортили. Милле был уверен, что причиной случайности порталов является как раз таки вечная трясу-

ка.

А не научился ли он создавать порталы только из-за этой болезни?

Милле насвистывал простенькую мелодию себе под нос и отбивал ритм каблуками стареньких сапог. На нём был обрезанный плащ куда большего размера, чем следовало бы, отчего тот висел на нём словно мешок.

Сам Милле считал, что такой наряд ему вполне идёт. Проблема была в том, что плащ он запахивал на голый торс, благо хоть штаны надевал, любые, которые ему попадутся под руку.

Ситуацию с отвратительным чувством стиля спасало смазливое личико. По-странному красив он был, прекрасно был осведомлён об этом и зачастую пользовался своей красотой. Большие голубые глаза с длинными ресницами, тонкие брови, лёгкая, но выразительная курносость, точёная челюсть, пухловатые и вечно сжатые губы вкупе с длинными светлыми волосами — это всё, почему-то, почему для него было загадкой, привлекало девушек, даром, что он никогда не отвечал согласием.

По пути к Катане Милле решил зайти за пятым человеком в их вольном объединении и шестым по счёту членом отряда. У него единственного был свой дом. И своя работа. Он, вообще-то, единственный из них работал и зарабатывал реальные деньги. А ещё он умел ковать металл, выделять кожу, во всех ремеслах он обладал солидными навыками, а

в дополнение к этому вполне себе баловался алхимией и чародейством. Откуда он всё это умел? Он не помнил. Это и был его главный минус — он вообще ничего не помнил о своей прошлой жизни.

— Рудбих! — Милле активно замахал руками и вприпрыжку подбежал к курящему господину лет сорока, стоявшему на балконе своего двухэтажного особняка.

Потрёпанный годами сюртук Рудбиха был не застёгнут и свисал по бокам, пока его носитель стоял, опёршись о перила, склонившись над ними и посасывая трубку.

— Чего тебе, Милле?

Уставший, охрипший, глубокий и полный невысказанной тоски голос Рудбиха словно вырвал внимание Милле из общей суеты, отделив их от остального мира. Другими словами, стало чрезвычайно тихо и теперь он больше ничего не замечал, кроме расслабленного господина в сюртуке.

— Катана опять отправила Ваала через портал Нокса, и

— Куда? — спросил Рудбих слегка озабоченно.

— В другой город, — махнул рукой Милле.

— Понятно. Значит, можно не переживать.

Возможные жертвы от прилёта самого настоящего голема в жилой дом или ещё какие-нибудь последствия его не заботили. С порталами Нокса весьма удачным было бы и такое попадание.

— Пойдешь со мной к Катане? — слегка взволнованно и с некоторым предвкушением спросил нетерпеливый юнец.

– А зачем?

– Мне Ваал нужен был кое для чего. И Серебряный попросил сказать ей больше не помогать этим двум.

– Снова?

– Снова.

Рудбих тяжело вздохнул, помотал головой и одним ловким движением перемахнул через перила балкона, спрыгнув со второго этажа.

Упал он прямо на пробегающую мимо курицу, смачно раздавив её и проехавшись на том, что от неё осталось ещё чуть больше метра, после чего упав на спину.

– Блять! — воскликнул Рудбих, прежде чем во второй раз поскользнуться на кровавом следу, однако в этот раз он смог удержаться.

Милле едва сдерживался, чтобы не начать кататься по траве, хохоча. А вот смеялся он не скрываясь и очень громко. Кто-то из прохожих даже заглянул через изгородь, услышав его хохот.

Отряхнувшись и вернув часть бывшего достоинства, Рудбих направился к выходу с территории усадьбы. Милле поспешил за ним.

– Будь здесь Нокс, – продолжал посмеиваться Милле.

– Будь он здесь, другие города оставались бы целыми, а этого мы допустить ну никак не можем, не так ли, пацан? — усмехнулся Рудбих. — Куда, кстати, они теперь попали?

– Вроде в Сапфир.

– Ох, чтоб меня

Рудбих молчал до того, как они дошли до выхода из города. Всё это время он пытался создать небольшой объем воды, чтобы смыть грязь с лица. Его магия была такой же как и он: всесторонней, плохой и странной. Создавать что-то из ничего и управлять примитивными материями могли лишь самые лучшие из редчайших обладателей этого таланта, а он был в этом так плох, что Впрочем, даже так он мог заниматься подобным волшебством. Неслыханный уровень профана.

На самом отшибе загородной области Бенефита располагалась внушительная модифицированная катапульта из собственности армии города. Катане разрешили использовать её за то, что она внесла некоторые изменения в конструкцию, которые должны были улучшить и облегчить её работу. А лазейку для подобной возможности создал для неё Рудбих, к которому жители города относились благосклоннее всего.

Издалека уже стало понятно, что что-то не так. Точнее, что всё не так. Вокруг катапульти скакал, плясал, дрожал и трясся Нокс. Если говорить о том, чего он не должен был делать из всего этого списка, так это существовать. В смысле, находиться рядом с катапультой. Ещё более конкретно — находиться в Бенефите.

– Что происходит? — крикнул издалека Рудбих.

– Ой! — раздался тоненький голосок, похожий на мяуканье.

Катана была из тех укуток, чьё племя яро сохраняло традиционность. Таким образом, животным, шкуру которого она примерила на себя, стала домашняя кошка. Женщины её рода не должны были проходить ритуал мужчин, отсюда и такая жертва.

Но её всё устраивало.

Из-за катапульты выбежала девушка, из-под длинных, до поясницы, волос которой выглядывали два забавно трепещущих кошачьих ушка. Шкура кошки у неё была обработана перед ритуалом по лучшему разряду, поэтому получилось сохранить даже такие черты, как вибриссы, правда они были почти незаметны и сильно уменьшены. Зато кошачьи глаза представляли во всей красе, как и усиленное обоняние.

Одета военный инженер их отряда была по обыкновению в сущие обноски. Мешковатые холщовые штаны, древняя тканевая рубаха до колен и хлябающий пояс со всякой всячиной.

Кожа у Катаны была смуглая, волосы цвета вранового крыла, отдающие зелёным цветом глаза, поджатые тонкие губы, брови точь в точь как у Милле, нос пошире, да и сама она была повыше, в остальном он был такой же. Ключевой вещью, сбивающей с толку любого говорившего с ней, был голос. Почти всегда она говорила тонким, нежным, гибким и мягким голосом, но когда становилась серьёзной её голос так же менялся, превращаясь в глубокий, вкрадчивый и бархатный почти что громкий шёпот. Сама Катана почти не обра-

щала на это внимание, или делала вид, что не замечает. Иногда она пыталась лукавить своим вторым голосом, прикидываясь ничего не понимающим котёнком, не понимая, как её задумку каждый раз раскалывают. Возможно, она правда не обращала внимания на свой голос.

Катана вперила широко раскрытые глаза в уже подошедшего к ней Рудбиха, и медленно перевела взгляд на Милле, став поспокойнее. Ещё давным давно она с чего-то решила, что Милле умиротворяюще действует на Рудбиха, и тот становится менее строгим в его компании.

Забавно, что Милле зачастую звал с собой Рудбиха, чтобы тот выступал в качестве убедительной силы. Сам Милле никого не пугал, в отличие от угрюмого статного господина с бледной кожей, впалыми, как у мертвеца, скулами, черными как смоль глазами и недельной давности щетиной. Одни только глаза могли бы послужить доказательством жизни в Рудбихе. Всем остальным видом он явно показывал, что одной ногой находится уже не здесь, если вовсе не восстал из мёртвых. И тем не менее, ничем он не болел. Вообще. Его и обычная простуда никогда не брала.

– Рудбих, тут — начала объяснение Катана. — Тут У нас, в общем-то Рудбих, всё пошло по пизде.

И она пустилась в сбивчивый пересказ произошедшего, иногда прерываемая не совсем ещё безумным стариком, да, безумия в нём было куда больше, чем здравомыслия. За семьдесят три года жизни он усох, засох и высох. Серые ко-

роткие волосы, вечно широко раскрытые глаза, в которых не найти ни толики рассудка, неаккуратная густая борода и вечный тремор как у запойного алкоголика. В случае Нокса — заупокойного.

В общем, оказалось, что после запуска Ваала в портал Нокс ещё некоторое время поддерживал контакт с той стороной, узнав место попадания и всё, что происходило в следующий час после падения Ваала. Однако сам зайти в портал он не успел, за час-то и не успел. По итогу, Ваал оказался один в Сапфире, в другом конце Ниокса, куда уже теперь не добраться. Вот выйди Нокс с ним, он бы смог открыть портал назад в Бенефит, спокойно вернувшись, а теперь повезёт, если за несколько десятков тысяч попыток он откроет портал хотя бы в пределах Ниокса, что уж там говорить про один город. Другой точкой, куда он почти столь же хорошо может открывать проход, стал Серпуле. За это умение их уже там давно поджидают. И почти столь же хорошо — это в одном из десяти случаев портал открывается хотя бы в сотне километрах от городской стены. Во все стороны. Вверх и вниз тоже.

А пока Рудбих, Милле, Нокс и Катана разбирались с тем, как же им теперь воссоединиться с Ваалом, попавшим в бессрочное рабство на общественных работах в уплату долга за ремонт, в Бенефите происходили совсем иные события.

На территорию особняка Рудбиха проник бродячий кот. Из тех, которых называют котярой в качестве комплимента. Ободранный, голодный, в боевых шрамах, с одним глазом и

половиной хвоста, он гордо прошёл отделявшее его от тушки курицы расстояние. Жадно вцепился в неё, и вместо того, чтобы начать жрать, как нормальный кот, он понёс её в зубах. Зачем? Куда? Это ли важно?

Важно то, что выскочив за изгородь и прыгнув на дорогу, котяра бросился в сторону ближайшего переулка на той стороне дороги. Перебегая, он ненароком бросился под ноги вышедшей из дома домохозяйке и примерной жене, Аюль.

Аюль была по-настоящему примерной женой, а потому имела расписание и на день, и на неделю. В это расписание входило и приготовление еды. Сегодня она готовила для мужа, который должен был вернуться из шахты в холмах близ Бенефита, макароны. Ключевой особенностью приготовления макарон является горячая вода, иначе называемая кипятком. Кипяток, по обыкновению, сливают в процессе. И Аюль вышла его слить в сточную канаву.

Стоит отметить, что макароны она готовится раз в неделю, именно сегодня и именно сейчас, ведь вчера вечером к ней с работы заходила подруга, которая работает на мельнице и мелет муку, а потому приносит муку и для Аюль.

Котяра яростно ткнулся мордой с раздавленной курицей в ногу Аюль. Аюль взвизгнула и оступилась. Кипяток примерная жена успела отшвырнуть в сторону, чтобы не ошпариться.

Ошпарилась не она. Извозчик и кучер, Сим, добрый дядя, рабочий человек и любитель животных, получил на свою

долю полную кастрюлю кипятка. Ведь сегодня Аюль не выспалась из-за того, что бездарности и самодуры всея Бенедикта, единственный наёмничий отряд, снова баловались с катапультами. А поэтому она не доглядела и переборщила с водой для макарон. Отсюда получилось, что в кастрюле было даже слишком, слишком много кипятка.

Симу на это было уже всё равно. Его раздавила перевернувшаяся карета, которую он вёл, и лошадь, упавшая на него сверху. Сим был уже стар, кости стали слабыми, а лошадка была вполне молодой, увесистой и тяжёлой. Земля периною старине Симу, да примет его в свои объятия святая Мать. Или кто-то другой. Может, он не верил в материнскую церковь.

Сим вёз одного важного господина, шпиона Тайной Трети Триархии и элитария, по совместительству перебежчика с восточного фронта и одного из выступавших за продолжение войны. Это был его высокоблагородие господин Митад, троюродный дядя Серебряного, что не так важно, как то, что не успев туда, куда он так спешил в повозке господина Сима, Митад повлёк за собой множество не очень приятных событий.

К примеру, тайная деятельность агентов Триархии теперь была под угрозой. Отсутствие Митада означало для других агентов, шпионов и внедренцев, что операция проваливается. Единственной причиной возможного отсутствия Митада для всех них было его раскрытие и последующий захват. Ни-

кто даже помыслить не мог, что у того случилось сотрясение из-за домохозяйки, окатившей кипятком его извозчика, из-за пробежавшего мимо кота, пытающегося сохранить в своих зубах мертвую курицу, которую умертвил не по своей воле своим тяжёлым сапогом всеми уважаемый в городе Бенефит Рудбих.

В общем, когда Серебряный уже вышел за городскую стену, тоже отправившись к своим напарникам разбираться с проблемой Ваала, прозвучал тайный сигнал к действию среди всех находившихся в городе тайных ячеек Триархии.

Весь центр Бенефита был уничтожен разом одним взрывом, подготовленным для такого случая двумя магами, один из которых ранее служил в Демонической Страже, но ушедший в отставку в силу возраста. Вся правительственная структура города была отправлена на воздух, уничтожена и стёрта в пыль.

Начался захват Ниокса Триархией. Пятеро у катапульты уже не очень-то и переживали насчёт Ваала, наблюдая за тем, как над городом выростали облачка пыли и громыхали зверские разрывы действующих магов.

Глава 5

Первый сидел на поверхности, скрестив ноги. Где-то позади него, как он чувствовал, находилось существо, что теперь представляло из себя его Осколок, Второго.

– Хочешь сказать, от этого одни плюсы? — Первый резко развернулся, но ощущение присутствия снова перешло назад, вне «поля зрения».

Он чувствовал, как Второй улыбался, смотря на него.

– Да-а Как я ранее сказал, помимо умения нормально говорить, мы оба получили достаточно выгоды. Ты быстрее восстанавливаешь память, а я — казалось, это было невозможно, но Второй улыбнулся ещё сильнее, — впрочем, неважно.

– Но почему ты не посоветовался со мной, прежде чем решить впустить неизвестно что в, между прочим, моё сознание?

– Формально, сознание не твоё. Пусть я и твой осколок, но разум у меня достаточно обособленный. А не советовался я по той причине, которая тебе абсолютно известна. Мы не умели разговаривать.

Второй вмиг стал серьезен.

– К тому же я прекрасно понимаю, что то, что попыталось влезть мне в голову с момента, как мы с тобой встретились, не может иметь альтруистических намерений. Даже сейчас я

не понимаю полноценно, что это за влияние и почему этому нужно наше сознание. Но я работаю над этим. Тем более, — Второй слегка улыбнулся, — ты стал быстрее восстанавливаться. А твои способности к управлению этими, м, огоньками

Он не закончил свою мысль, но ему и не требовалось. Первый мысленным усилием двинул большие искры внутри своей ладони и те почти сразу завертелись в вихре, скорость которого на голову превосходила все его предыдущие потуги в направлении движения огоньков. Первый остановил их и попытался увеличить светимость, что удалось ему так же легко. Огоньки ярко засверкали, начав слегка пульсировать, и их яркость превосходила в примерно полтора раза самую максимальную яркость, которой он мог достичь раньше. Вдобавок этот свет не был обычным, ибо позволил заметить полупрозрачную дымку, что окружала его руку. Возможно, это и была та самая невидимая граница, которую Первый пытался преодолеть. Также он попробовал разделить самый большой огонек в ладони, а после и соседние ему, а потом и вовсе все, что там были. Без труда ему удалось достичь такого количества, что те стали давить изнутри на границу. Первый выдержал небольшую паузу, прислушиваясь к этому чувству давления, а после соединил все огни в один единственный, что ограничил абсолютно все движения его кисти. Пальцы обмякли, как и сама кисть руки, из-за чего она повисла мертвым грузом. Первый недолго посмотрел на это, а после разо-

шёлся во всю. Он заставил этот огромный огонек светиться на весь возможный максимум, а потом двинул его по траектории восьмерки на тыльной части ладони. Чем дольше он поддерживал это объединенное состояние, тем быстрее становилось движение огонька и тем сильнее что-то неосоздаваемое давило на границу его текущего тела изнутри. Внезапно, достигнув некой грани происходящего, он моментально рассыпал огромный шар на первичное количество огоньков, одновременно с этим снижая их яркость до изначальной и ограничивая движения. Спустя несколько секунд всё стало как прежде.

– Дольше, чем было до этого. Растешь!

Первый криво усмехнулся. Да, растёт, вот только это был не его рост. Точнее, формально то его, но этот рост способностей возник только благодаря тому, что Второй решил впустить в себя что-то неведомое, что радостно сейчас обживалось в нём, вызывая какие-то изменения в них обоих. И да, это безусловно был ошеломительный рост, однако

Первый захватил своим влиянием пространство руки от кончиков пальцев до середины предплечья и попытался повторить предыдущий опыт, однако уровень его воздействия на огоньки не превышал тот, которого он достиг еще до слияния Второго с чем-то. То есть его мастерство имело вес только на пространстве тела, не больше ладони, да и это утверждение неверно, ибо попытка повторить всё сделанное до этого, но уже на правой ладони, привела к странному

результату: огоньки правой руки выполняли приказы хуже, чем огоньки левой. Причем ощутимо хуже, вероятно, чтобы иметь такое же мастерство, как на всей кисти левой руки, ему необходимо взять под контроль только пространство без пальцев кисти правой руки.

Это было ощутимое уменьшение. Возможно, на такое различие могло повлиять то, что фиолетовый и самый большой огонёк во время спасения Второго действовал через левую руку, а не правую? И будут ли тогда огоньки в груди Первого, которые ежечасно подвергаются незаметной пульсации фиолетового, более податливы? Все это требовало экспериментов и работы, но Первому необходимо было продолжать путь, пусть он не до конца понимал, зачем. Теперь, когда Второй вечно находился у него за спиной, пусть и неизвестно как, идти нужно было только Первому. Вторым и так перемещался за ним без особых усилий.

Однако такое улучшение, дарованное новой связью, позволило продолжать эксперименты даже в движении. Теперь Первый заставлял все огоньки, с которыми он работал, предварительно светиться намного ярче, чем обычно, делая их более податливыми. Он надеялся, что это приведет к тому, что впоследствии огоньки правой руки нагонят по развитию огоньки левой руки. В случае необходимости он не раздумывая воспользуется фиолетовым огоньком и его пульсацией.

Но как бы сильно новая связь Второго с чем-то не влияла на его умения, менять цвет огоньков Первый так и не на-

учился. Даже самый яркий и маленький огонек ни в какую не хотел меняться и излучать другой цвет. Это стало основным направлением работы, на пару с попытками безопасно прорваться через границу собственного тела.

Теперь иногда Первый и Второй делали остановки на своем пути, когда первому требовалось проверить какое-то озарение или к нему приходило вдохновение. Так, в какой-то момент он задумался над той тяжестью и отсутствием чувств в кисти, когда все огоньки в той области соединялись в один. Чем это было вызвано? Возможно, огоньки выполняли какую-то функцию двигательного аппарата. И тогда он стал рассоединять как можно больше огоньков, сперва в пальцах рук, а после и по всему телу, со временем наблюдая, как меняется поведение частей его тела. К сожалению, эффект если и был, то заметить его за тем ощущением давления изнутри было сложно. Однако на уровне пальцев всё таки что-то да заметить можно было. И если ему не мерещилось, то тот и правда двигался чуть резче, пусть и дергался, даже когда им не двигали. В общем, эксперименты в этом пространстве были отложены.

Однако спустя пару часов однообразного пути двое авантюристов почувствовали то, что в самом начале заставило их настороженно относиться к окружению.

На них снова опустилось давление чего-то движущегося. В этот раз эффект был куда масштабнее. Даже огоньки внутри тела Первого задрожали, начав опускаться к низу, придав-

ленные эффектом присутствия и мощью движений чего-то, что находилось и «проплывало» рядом. И неожиданно резко всё оборвалось. Как будто ничего никогда и не было. Однако Первый всё ещё дрожал, отходя от мощи, что подействовала на него. А затем прозвучал голос.

– Слушай, я по собственной прихоти эксклюзивно могу воспользоваться своими полномочиями Конечно же ради тебя. Ты ведь заметил, что эти твои «огоньки», — Второй усиленно выделил это слово, — выполняют некую осязаемую роль? Пробовал сопоставить их функции со своим телом?

Первый задумался, всё ещё смотря вперёд. В этой задумчивости он сделал шаг, но неожиданно Он упёрся. Упёрся всей сущностью во что-то, что закрыло собой абсолютно всё вокруг него. Нависло над ним и держало его в своей тени. Оно тянулось

Первый тряхнул головой и сбросил оцепенение. Он снова сделал шаг, но почувствовал то же самое. Он уперся в то, что закрыло собой всю дорогу. По ощущениям это было не что-то чересчур твердое, однако и не мягкое.

Он задумался после этого столкновения над словами Второго.

– Они Дают мне чувства?

– Почти, — Второй улыбнулся во все зубы, которых никто не видел, — Эти огоньки Как бы объяснить поточнее. Они заменяют твоё тело. Когда ты собрал всё в своей кисти в одну большую искру, ты ведь не смог ей даже пошевелить, не

так ли? А всё по той причине, что эти огоньки берут на себя часть функционала твоего прежнего тела. Возможно даже органов. В целом, это твои мышцы, нервы и твоё тело. Они позволяют тебе двигаться и ощущать окружающее пространство. А потому

– Интересная точка зрения, — Первый перебил его, — Но чем подкрепишь свои слова, не считая примера с рукой? Ты не вызываешь доверия. Твои знания заимствованы и могут нести информацию, которая нацелена на вред мне. Нам.

Второй сложил руки.

– Я могу дать тебе зрение.

Первый рефлекторно обернулся, но, как и следовало ожидать, Второй оказался и на этот раз позади. Первый моментально начал взвешивать все «за» и «против» этого предложения. И к сожалению «за» было больше.

– Как?

– Твои огоньки могут заменять собой некоторые органы. Так, они вмещают в себя твою личность и знания. Однако зрение слишком сложный механизм, чтобы засорять себя изначально еще и им. Огоньки просто отбросили его, когда ты появился здесь. Но его возможно восстановить, однако — Второй сделал паузу, — Это будет особая форма.

– Что ты имеешь ввиду?

– Зрение будет не абсолютное. Ты увидишь далеко не всё, да и не сразу. Огонькам нельзя так сразу брать полную нагрузку, связанную с виденьем. В конце концов, даже в сво-

ём максимуме, оно и близко не будет такое хорошее, как от обычных глаз.

Первый глубоко задумался. Он прислушивался к ощущениям своего тела, и, казалось, что-то тянуло его согласиться. Да, может

Его толкнуло изнутри. Грудь словно чуть не разорвалась, граница тела на мгновение расширилась до невиданных масштабов и сжалась до прежних размеров, вдавив его собственные огоньки вглубь. Первому захотелось зайти кашлем, но кашлять он не мог. Обратив свой взор внутрь, он заметил, что фиолетовый огонек сиял ярче прежнего, а пульсация стала чаще. Это его воля?

– Что я отдам взамен?

Второй, казалось, лишь от одних этих слов помрачнел и сдулся.

– Часть Фиолетового огонька.

Фиолетовый огонек закрутился на месте, разгоняя пульсацию дальше и начиная заражать этим фиолетовым цветом соседние в груди огни.

– Кому я должен его отдать?

Второй замолк. Будто одни лишь эти слова заставили его потерять лицо и уйти в себя. Он что, запаниковал?

– Н-нельзя говорить.

Фиолетовый огонек взорвался ярчайшей из всех зарниц. Первому показалось, что на мгновение он перестал видеть что-либо, кроме всеобъемлющего фиолетового цвета. Где-то

в стороне что-то задолжало и задвигалось. Что-то живое.

Первый попытался успокоить фиолетовый огонь, но эта искра неистово крутилась, выпуская всё больше импульсов, заставляя двигаться и светиться соседние огни. Удивительно, но Первому становилось спокойнее от наблюдения за этим танцем собственной души.

– Нет. Я отказываюсь от зрения.

Вспышка. Мгновение. Абсолютная тишина и непоколебимость опустилась на окружающее их пространство, окутав всё в фиолетовый. А затем всё исчезло, оставив одинокую фигуру из огоньков стоять в недоумении. Ни одна искра больше не двигалась и не испускала такого света, а фиолетовый огонёк выглядел так, будто никогда вовсе и не вызывал такого напряжения во всём теле Первого.

– Так и быть, — заскрежетал зубами Второй, но после сразу же улыбнувшись, — Но как ты тогда собираешься понять, как обойти возникшую преграду.

Первый усмехнулся про себя и уселся на месте, всё ещё чувствуя, что что-то спереди существует и преграждает путь.

– Я не просто так отказался от зрения.

Ведь конечно же это был не отказ. Первый хотел уметь видеть, тем более в этом мире.

А потому он создаст своё зрение сам.

Глава 6

Может, увеличить яркость, рассеять их и надавить?

Испытывая давление больше необходимого в области глаз, Первый мгновенно рассеял всё свое вмешательство и огоньки успокоились. Четвертая попытка увенчалась провалом.

Не зная с чего вообще начинать Первый решил действовать грубой силой, но, как он и ожидал, это вряд ли может привести к вразумительному результату. Но что из себя представляет зрение? Что-то должно выйти за невидимую границу вокруг его тела и принести информацию об увиденном. Это вероятно сработало бы, будь у него мозг, которому нужно интерпретировать эту информацию, однако у него его не было. Были только огоньки, которые для него ничего из себя не представляли.

Своё тело он воспринимал странно. Всё это время оно как-будто проецировалось в его сознании, как и все его действия со своим телом, а потом он воспринимал это в реальном мире, получая полную картину. Тактильные ощущения он получал от невидимой поверхности своего тела. Всё это, как подозревал Первый, делали его огоньки. Однако что в таких реалиях может представлять собой зрение?

Второй упомянул, что все необходимые функции огоньки изначально несли в себе, однако что-то столь сложное по-

просту выкинули за ненадобностью при появлении в этом месте. Так надо ли ему прорывать эту границу вокруг тела, или огоньки сами по себе могут видеть? Последнее — вряд ли. Тогда он мог бы видеть любой частью тела, что явно не вяжется с концепцией глаз. Тут должно быть что-то ещё

Не работает. Перепробовав более сорока различных способов и вариантов воздействия и взаимодействия Оно просто не работает.

Вероятно, не стоит прорывать эту границу? Может, это такая же часть его текущего тела и вовсе не ограничивающий элемент?

Что если ему стоит не рвать её, а просто растянуть?

Это однозначно сложнее. Первый даже не представлял, что ему нужно для этого сделать. Эта невидимая штука вокруг его тела не казалась достаточно эластичной и готовой к воздействию.

От досады Первый вскочил с места и начал ходить в разные стороны, попутно размахивая руками и пытаясь заставить огоньки делать хоть что-то.

А ведь если подумать, они уже делали.

По словам Второго, огоньки, из которых он состоял, несли в себе функции его реального тела. Всё это время он ходил по этому месту и даже не задумывался о том, как он ходит. Да и не только ходьба, всё его движение было необдуманном, врождённым.

Определённо, когда-то он учился ходить. Это не инстинк-

тивный навык, а значит, этот функционал можно разложить не составные части и систематизировать.

Ходьба по своей сути является контролируемым падением, к такому выводу он пришел почти сразу. На основе этого факта Первый смог разбить весь процесс на несколько частей: начало падения, соотнесенное с поднятием ноги и выбросом её вперёд, балансировка и конец действия, сопряженный с постановкой ноги в правильное положение и началом движения другой ноги. Конечно, внутри всего этого было множество разнообразных факторов, то же движение ноги можно было также разбивать на другие части, однако он особо об этом не задумывался.

Возможно, если он так же разделит принцип зрения на части, он сможет заставить огоньки выполнить остальную работу? Первый воодушевленно принялся за эксперимент

И понял, что он не имеет ни малейшего понятия о том, как устроено зрение. В конце концов он вообще ничего не знал. Как ему принимать информацию об окружающем мире?

Первый схватился за голову и в ярости ничего не смог сделать. У него не было средств воздействия на окружение, да что там, он его даже не видел.

Ему оставалось только смириться, но Первый не мог. Это означало бы его поражение. Как только он узнал про возможность видеть ему было необходимо получить это.

А зачем? Он неожиданно понял, что не помнит, зачем ему зрение, но потом быстро успокоился. А потому снова занерв-

ничал и забеспокоился. Второй сказал ему, что без зрения ему не пройти через то, что преградило ему путь, однако почему он так легко согласился на подобное условие? Было ли тут что-то еще?

Первый направился прямо и вскоре уткнулся в эту преграду. Что-то твердое, похожее на незримую поверхность его собственного тела, преградило ему путь. В то же время это нечто было достаточно мягким и упругим, чтобы оставаться эластичным. Опять же, прямо как его собственная нынешняя кожа.

Похоже, это один из обитателей этого мира, но оно было и так понятно. Возможно, оно следует воле этого места, а место это, очевидно, обладает собственной волей, ведь чего-то хочет от него и даже проникло во Второго.

Первый зашагал вдоль этого, предположительно, тела, пока не уткнулся в эту же преграду слева. Небольшая паника и сомнение закрались в его мысли. Он пошел снова вдоль новой преграды и снова уткнулся в еще одно.

Однозначно, он окружён. Чтобы убедиться в этом он снова пошел дальше и снова уткнулся в преграду я. Он в квадрате с немного скруглёнными краями.

Значит, выбора нет? Он не может создать своё зрение, а оно необходимо, чтобы как-то преодолеть текущую ситуацию.

– Знаешь, — снова раздался в его голове этот ехидный голос, — мы ведь не чудовища.

— Ага, конечно, — Первый стоял и с неизменной периодичностью тыкал в преграду перед ним.

— Кое-что было пересмотрено, — Второй говорил как можно мягче. — Например, цена за предложенную ранее услугу

— Сперва лучше скажи, как вообще зовут то, что так старательно пытается влезть в меня? — Первый замер на месте.

— Теперь Стой, что? — Второй запнулся, когда его перебили. — Ну это не секрет. Мы в Бездне.

Первый стоял на месте, ожидая продолжение, но ответом была лишь тишина.

— Это всё? — он снова начал тыкать пальцем в то, что преграждало ему путь.

— А больше, — Второй снова улыбнулся в его сознании, — тебе знать не положено. Так ты хочешь услышать цену?

— Возможно, — Первый усмехнулся, выбора у него всё равно не было.

— Теперь Бездна предлагает тебе не совсем обычное зрение в обмен всего лишь на левую руку, — в его голосе было что-то, что заставило Первого насторожиться.

— Руку?

— Ну, не конкретно руку. Только контроль над, как ты это называешь, огоньками в ней, — Второй становился всё более довольным с каждым словом.

Целую руку вместо одного фиолетового огонька? Равнозначная ли это замена? Тут определённо должно быть что-

то ещё.

— Ты сказал, что зрение будет не совсем обычным, — Первый скрестил руки на груди и принялся ходить по кругу.

— Узнаешь все тонкости, когда совершишь сделку, — Второй замолк после этого.

Значит, вот такой у него выбор? Неизведанный фиолетовый огонек в обмен на нормальное зрение или целая рука в обмен на что-то другое.

Первый запнулся. Левая рука! Именно она была более податливой для воздействия. Повлияло ли это на цену? Вероятнее всего. Однако он не мог сказать этого наверняка. Только в такие моменты он понимал, как же мало у него знаний об этом месте и происходящем.

Но в конце концов он был вынужден согласиться, иначе ему оставалось только бесцельно бродить в ограниченной зоне посреди великой пустоты. Смутно он понимал, что это извечное желание идти куда-то вперёд — гиперболизировано искусственно или вовсе не является его собственным желанием, но опять же, он никогда не прикасался к этой мысли как следует, не раздумывая о том, что ждет его в конце пути и есть ли вообще конец. Именно из-за этой потребности не переставать двигаться дальше он и не позволял себе слишком долго задерживаться в одном месте, хоть и времени, как он сам полагал, у него было бесконечно много.

Может быть, он и сам смог бы в конце концов воссоздать хотя бы подобие зрения, однако сколько времени было бы

потрачено на эти попытки? Первый всё еще тешил себя мыслью о том, чтобы вспомнить всё и вернуться в тот мир, из которого он попал сюда, а это было именно так, это он узнал после того, как Второй вернулся после контакта с чем-то в этом мире. Именно из-за тщетной надежды он спешил, не зная точно, сколько у него есть времени.

Первый выдохнул — приобретённая неосознанно во время странствий привычка — и собрался с мыслями. Беспокойство по поводу оплаты сменилось предвкушением и любопытством. Он даже не мог представить то, что может увидеть в этом месте, и это только сильнее подогревало его интерес. Первый уже и не задумывался над тем, что кто-то осторожно влиял на его мысли, подталкивая к удобным для незримого манипулятора условиям, что целая Бездна заинтересована именно в нем и что всё это было чрезвычайно подозрительно.

После недолгих раздумий он, наконец, обратился ко Второму. Всё еще тыча в преграду перед собой.

– Итак, я решил.

– Уверен? — ехидный голос возник в мгновение ока.

– Нет. Но разве у меня есть выход?

– Ты всегда можешь окончательно раствориться в Бездне, — Второй вздохнул с какой-то отдалённой тяжестью, — но мы оба знаем, что ты этого не сделаешь. Не стал бы ты в таком случае сопротивляться в самом начале в том состоянии, в котором попал сюда, но вот мы здесь. Так что ты выбрал

из моего широкого ассортимента?

— Я, разумеется, не могу рассчитывать на то, что ты объяснишь подробнее, о каком ты растворении и сопротивлении? — Первый особо не питал надежд, но попытка не пытка.

— Нет. Выбирай моргала. Предложение Бездны или нашего партнёра? Это предложение доступно только сегодня.

Первый почувствовал, как внутри всё сжалось и потяжелело.

— Второй вариант. Рука.

В этот момент он отчетливо почувствовал, как рот Второго расплывается в самой широкой улыбке, которая только может быть у живого существа.

— Отличный выбор! — Второй захлопал бы в ладоши, если смог бы. — Этому партнёру дорогого стоило пробиться со своим предложением сюда и ты можешь получить его дар только с позволения Бездны. Ей показалось, что так получится забавно.

— Заканчивай уже, чтоб тебя, — Первый раздраженно снова ткнул в устроенную Бездной преграду перед ним.

То есть попытался. Его палец встретил только пустоту. Ничего больше не преграждало ему путь, ведь он совершенно точно не отходил в сторону и должен стоять впритык к тому, где была живая — или не совсем — стена.

Оно исчезло в один момент и сделало это, в отличие от своих предшественников, без давления ауры невероятной силы на Первого.

Эти существа, обитатели Бездны, могли всё это время двигаться не выдавая себя? Сколько их сейчас вокруг?

— Ну всё, получай своё зрение, дружище, — Второй, как обычно максимально веселый, начал куда-то исчезать, отходя на второй план.

Первый осознал в этот момент, что путь свободен неизвестно какое время и вероятно был свободен с того самого момента, как он заговорил со Вторым. Сожалеть об утраченном шансе, конечно, глупо, ибо он не может вернуть время вспять, но он еще долго будет корить себя за то, что не попытался до того, как дал согласие, снова проверить преграду перед собой. А самое главное: в какой момент он перестал тыкать пальцем в эту стену? Почему он не может никак вспомнить, в какой момент их диалога это произошло?

И в этот момент все его мысли были моментально вытеснены одномоментной вспышкой агонии. Боль была настолько сильная и резкая, что ему показалось, будто все его огоньки разом вырвались за пределы его тела. Первый пошатнулся и попытался удержать равновесие, но не смог и завалился набок, начав падать на пол. Падение было до того абсурдно медленным, что Первому начало казаться будто в любой момент он может рвануть в сторону и выровняться. Но он не смог. Та резкая вспышка была не единственным последствием его сделки.

В голове начало жечь, полыхать, испепелять. Сознание застлало белым, он перестал понимать что-либо и даже не по-

чувствовал своего падения. Его тело содрогалось, лёжа на невидимом полу, но он не осознавал, что беспрестанно вбивается лбом в несокрушимую поверхность под ним. Огоньки в его теле пришли в движение, неистовствуя в попытках вырваться хоть куда-нибудь, подальше от этого места, но Первый не осознавал, что спас себя сам в этот момент своими бесконечными тренировками в попытках заставить огоньки выйти за невидимую границу, держащую его тело в собранности. Эти попытки укрепили эту призрачную кожу, не давая сейчас ему рассыпаться в небытие.

Белизна, заставшая его воспаленный разум, казалось, стала еще ярче, еще белее. Это было во сто крат ярче и больнее самого яркого огонька, который Первый сам смог бы создать. Но в этот момент, трепыхаясь в конвульсиях как тряпичная кукла, в его голове проскочила одна шальная мысль. Он сосредоточился на то мгновение, которое смог выцепить из стальных лап своей агонии, и различил мимолётное, единственное движение во всей этой палитре белого цвета. Это подтвердило его шальную мысль. Это было больно. Это было подло. Это было так в стиле Второго. Это было так обидно.

Первый завопил от досады и бессилия, застучав руками по полу и забившись всем телом в дикой тряске. Но никто не мог его слышать. Он даже не мог кричать вслух. Но где-то внутри ему казалось, что кто-то тихо смеётся в глубине его сознания, забавляясь происходящим, но всеобъемлющая боль опускала эти мысли на последнее место.

Первый бешено завертел глазами, которые в этот момент росли прямо в его голове. Или тем, что заменяло эти глаза. Бездна дала ему зрение, но не тем путём, о котором он думал, но непонятно, на что он рассчитывал и что еще ждал от Бездны и Второго. Весь этот белый цвет, который он видел, был его пылающими огоньками внутри его головы, правда отчего-то они стали светиться ярче, чем когда бы то ни было, причиняя ему небывалую боль, усиленную и растущим органом зрения.

Через час этой пытки агония начала затухать и Первый наконец-то перестал кричать. Ещё через полчаса боль поутихла и он смог мыслить нормально. Тогда-то он и поднял руку перед собой и покрутил ей перед головой. Первый истошно засмеялся и взвыл от увиденного, когда осознал всё полностью.

Он лежал на полу и смеялся во всё горло, вторя тому, кто смеялся внутри его головы и наблюдал за происходящим. Вокруг была только темнота и его светящееся тело, которое он, наконец-то, увидел своими глазами.

Однако увидел он только и только тело.

Глава 7

Первый сидел на коленях, спрятав лицо в ладонях и склонившись книзу. Чувствовал он себя отвратно. Новоиспеченные глаза не закрывались, да и глазами не были, оттого он в деталях видел огоньки в ладонях, которыми закрыл лицо.

Вместо нормального зрения он получил возможность видеть только своё нынешнее тело, вместо того, чтобы представлять его в воображении.

На лице у него ничего не поменялось, ни выпуклостей, ни впадин. Такая же гладкая поверхность, какая была всегда.

Ко всему этому теперь левая рука не отзывалась на все его попытки манипуляции над огоньками. Он всё ещё двигал ей и контролировал её, но больше ничего, что, в целом, не так плохо, как могло бы быть. Однако в это же время что-то устраивало полную вакханалию внутри его конечности, словно новый хозяин начал обживать и проводить инвентаризацию новых владений. Первому от этого было даже лучше: чем ближе к нему будет его мученик, тем проще будет отомстить, а ближе, чем внутри его собственного тела, быть невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.